

Когда Чжао Умянь увидел, как взгляд Чэн Ваншу скользит по его телу, его лицо осталось невозмутимым, но в душе бушевал ледяной, пронизывающий до костей ветер. Он уже мысленно планировал, как за несколько дней вернет свою культивацию и замучает Чэн Ваншу до смерти.

Сначала он разденет его догола, затем оскопит, а потом дюйм за дюймом срежет кожу и раздробит кости. За те унижения, которые приходилось терпеть Чжао Умяню, он всегда оплачивал в тысячу, в десять тысяч раз больше.

Пока Чжао Умянь об этом думал, в его сознание внезапно ворвался внутренний голос Чэн Ваншу.

"А-а-а! Мой Мян-Мян! На нем живого места нет! Все тело покрыто синяками и ранами. Вот бедняжка! Он ведь еще совсем ребенок! Автор, ничего человеческого в тебе нет, твою мать за ногу! Эх, когда я читал книгу, о жизни Мян-Мяня в борделе упоминалось вскользь, но если подумать, он провел там целых семнадцать лет! Что это была за жизнь? Смотрю на эти раны, и сердце кровью обливается".

Чжао Умянь: "..."

Автор? Читал книгу?

Бедняжка? Сердце кровью обливается?

Хотя некоторые слова оставались для него непонятными, Чжао Умянь, только что сохранявший полное равнодушие, вдруг почувствовал необъяснимую неловкость. Он отвел взгляд и уставился на расходящиеся по воде круги.

Чэн Ваншу сделал полшага вперед и, смягчив голос, спросил:

— Вода не остыла? Может, принести еще ведро горячей воды?

Чжао Умянь поднял на него глаза.

— Не нужно, я уже помылся.

С этими словами он потянулся за своей старой грязной одеждой.

— Эй, — остановил его Чэн Ваншу, — не надевай ее больше. Я принесу тебе другую.

Чэн Ваншу открыл большой резной шкаф из красного дерева и, практически целиком нырнув внутрь, начал там рыться. В конце концов, он выудил оттуда несколько вещей второго молодого господина Чэна и протянул их Чжао Умяню.

Второму молодому господину Чэну в этом году исполнилось девятнадцать. Он был немного старше Чжао Умяня, но обладал довольно хрупким телосложением, так что одежда пришлась впору.

Дождавшись, пока Чжао Умянь наденет нижнее белье, Чэн Ваншу достал лекарство, которое он недавно раздобыл, и заботливо предложил:

— Давай я помогу тебе нанести мазь и перевязать раны.

В прошлой жизни Чжао Умянь достаточно посмотрелся на коварство человеческих сердец и

теперь в этой жизни был склонен к подозрительности. Если бы эти слова произнес кто-то другой, Чжао Умянь сразу же предположил бы, что у этого человека имеются тайные мотивы.

Однако мысли Чэн Ваншу были перед ним как на ладони. Тот был полон нескрываемого дружелюбия и энтузиазма.

Чжао Умянь помедлил, а затем произнес:

— Я сам.

— Ладно, так даже лучше. Я не очень в этом хорош, вдруг сделаю тебе больно.

Чэн Ваншу передал Чжао Умяню лекарство и стал наблюдать, как тот привычными движениями обрабатывает раны и перебинтовывает их, а затем одевается и завязывает свои черные волосы.

Чжао Умянь был одет в наряд цвета размытой туши, украшенный вышитыми листьями бамбука, и черные сапоги. Волосы были убраны в простой и аккуратный конский хвост. В красивых глазах феникса таилась глубина, приобретенная за две жизни. Теперь в его внешности не осталось ни следа от его прежнего жалкого и несчастного вида.

Чэн Ваншу чуть зубы не выкрошил, пытаясь помешать себе присвистнуть от восхищения.

"Увидев такое, и помереть не жалко! Стоп, я же и так уже помер в прошлой жизни! Причем сам не понял, как это произошло! Черт!"

— Молодой господин, выходите ужинать!

Окликнув его снаружи, Ту Жун приподнял занавеску и вошел в комнату. Его взгляд сразу же упал на Чжао Умяня, и он закричал:

— Эй, ты, паршивец! Почему ты в одежде молодого господина? Как ты посмел?! Совсем стыд потерял?!

Ту Жун уже протянул руку, чтобы схватить Чжао Умяня, но Чэн Ваншу поспешно шагнул вперед и преградил ему путь.

— Это я дал ему одежду.

— Что? — опешил Ту Жун.

Покосившись на Чжао Умяня, он скривил губы.

— Молодой господин, это уже ни в какие ворота не лезет.

— Что? — удивился Чэн Ваншу.

Ту Жун воскликнул:

— Молодой господин, я столько лет вам служу, из кожи вон лезу, а вы никогда ко мне так хорошо не относились.

Будучи современным человеком, Чэн Ваншу не особо разбирался в сословной иерархии поместья. Он не мог понять, что слуга помыкает хозяином. Почесав затылок, он сказал:

— Тогда если захочешь надеть что-то из шкафа, бери и носи.

Ту Жун усмехнулся про себя, подумав, как легко обвести этого дурака вокруг пальца. Он без лишних церемоний подошел к шкафу Чэн Ваншу, порылся в нем и, достав пару дорогих поясов и украшений, засунул их себе за пазуху.

Перед уходом, улучив момент, когда Чэн Ваншу отвернулся, Ту Жун бросил строгий взгляд на Чжао Умяня, предупреждая его не болтать лишнего, а затем растянул рот в улыбке и сказал:

— Молодой господин, пойдете ужинать.

За исключением редких праздников, Чэн Ваншу ел у себя в покоях. По правилам слуга должен был сначала накрыть стол для своего господина, затем встать за его спиной и ждать, пока тот закончит трапезу, и только убрав со стола, можно было идти есть самому.

Но Ту Жун, пользуясь тем, что у второго молодого господина Чэна были проблемы с головой, всегда садился есть с ним за стол.

Чэн Ваншу, как попаданец, не видел в этом ничего странного.

Теперь же за столом к ним прибавился еще и Чжао Умянь.

Ту Жун схватил палочки для еды и сразу нацелился на мясо, яйца и рыбу, уплетая их за обе щеки.

Чэн Ваншу не особо любил мясо и обычно не соперничал с Ту Жуном за него, но сейчас он немного занервничал и поспешил наложить побольше кусочков мяса в миску Чжао Умяня, ласково приговаривая:

— Ешь побольше.

После ужина Чэн Ваншу задумался о том, где будет спать Чжао Умянь.

По идее, ему следовало бы ночевать вместе с Ту Жуном в боковой комнате, но Чэн Ваншу вспомнил, как однажды ночью проходил мимо и слышал оглушительный храп Ту Жуна, от которого стены дрожали. Чэн Ваншу боялся, что если эти двое будут спать вместе, в будущем Чжао Умяня будут величать не Демоноликий владыка, а Глухой владыка.

После некоторых колебаний Чэн Ваншу спросил у Чжао Умяня:

— Может, сегодня переночуешь в моей комнате?

Чжао Умянь не сразу ответил. Его темные, глубокие как бездна глаза пристально уставились на Чэн Ваншу.

Чэн Ваншу добавил:

— Не беспокойся, во сне я отличаюсь от трупа только отсутствием трупных пятен и наличием дыхания.

— Хорошо... — ответил Чжао Умянь.

И только после того, как он дал этот короткий ответ, Чжао Умянь поймал себя на том, что из-за этой шутки уголки его губ едва заметно приподнялись в улыбке.

Он прикоснулся к уголкам рта, ощущая неизведанные доныне эмоции, которые были ему в новинку.

Получив согласие, Чэн Ваншу радостно принялся стелить постель для Чжао Умяня. В комнате стояла кушетка¹. Если убрать с нее низкий столик и застелить мягким матрасом и одеялами, подойдет в самый раз.

Наступила ночь, и все пошли спать.

Чэн Ваншу не солгал. Он действительно спал очень тихо, слышалось лишь едва уловимое дыхание.

Чжао Умянь лежал на удобной кушетке и размышлял о том, как за один день могли произойти такие невероятные перемены. Все это казалось иллюзией или сном, слишком непохожим на реальность.

Чжао Умянь сам не заметил, как провалился в глубокий сон, но кто мог ожидать, что во сне на него нахлынут воспоминания из прошлой жизни. Он ощущал все события настолько ярко, как будто переживал их заново.

Ему снилось, как Чэн Бужэнь запер его в железной клетке, чтобы испытывать на нем запретные заклинания.

Иногда они вызывали невыносимый зуд во всем теле, а иногда причиняли такую невыносимую боль, словно кости трещали.

Больше не в силах это терпеть, он упал на колени и, захлебываясь слезами, начал биться головой о землю, умоляя Чэн Бужэня пощадить его. Но в ответ он услышал от Чэн Бужэня лишь презрительный хохот.

Именно из-за того, что ему довелось пережить такое, позже в поисках самого быстрого пути культивации он решился испробовать метод, ломающий кости и разрывающий плоть. Пройдя через боль, муки и отчаяние, он перестал чего-либо бояться.

Чжао Умянь резко очнулся от кошмара, тяжело дыша. В комнате было так темно, что даже пальцы на руке не различишь. Все еще стояла глубокая ночь.

Чжао Умянь вытер со лба холодный пот, немного помедлил, а потом встал и накинул на себя одежду.

Сначала он хотел просто уйти, но, услышав тихое дыхание, не удержался и подошел к кровати с пологом.

Чэн Ваншу крепко спал, завернувшись в одеяло, даже не собираясь просыпаться.

Слегка склонив голову набок, Чжао Умянь смотрел на него и мысленно составлял план.

Этот человек добр к нему, но его мотивы неясны. К тому же он — глупый хозяин, которым помыкает слуга. Он даже себя защитить не в состоянии.

Если он останется в резиденции семьи Чэн, и Чэн Бужэнь, как и в прошлой жизни, положит на него глаз, этот человек точно не сможет ему помочь.

Ему следует забрать деньги на дорожные расходы и уйти самостоятельно прокладывать путь к

вершине.

Он помнил, что в Сянью имелось место с насыщенной духовной энергией, вполне подходящее для культивации. С его опытом и талантом ему достаточно нескольких месяцев, чтобы достичь ступени Золотого ядра.

После этого он вернется, перебьет всех в поместье Чэн, превратит Чэн Бужэня в "человека-свинью"², чтобы выплеснуть свой гнев, а затем отправится странствовать по миру, собирая духовные пилюли и артефакты. Он быстро достигнет ступени Великого совершенства и разделается со всеми пятью великими сектами, заставив всех тех ничтожеств из прошлой жизни заплатить сполна.

Чжао Умянь мрачно усмехнулся, его глаза заполнила свирепая жестокость.

В этот самый миг Чэн Ваншу на кровати проснулся и открыл заспанные глаза.

1. Речь идет о кушетке, на которой в древнем Китае спали, ели и принимали гостей.

2. Если кто-то не в курсе, человек-свинья — это тот, кому отрубили руки и ноги. Название пошло после того, как императрица Люй Чжи подобным образом расправилась с одной из жен своего покойного мужа Гао-цзу (первого императора империи Хань) и отправила ее в свинарник (по другой версии, в отхожее место).

<http://bllate.org/book/16983/1577958>